

УДК 82-4

**РАССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ МЕТОДЫ В.Г. КОРОЛЕНКО
В КОНТЕКСТЕ ОБЩЕГО РАЗВИТИЯ РУССКОЙ
ЖУРНАЛИСТИКИ РУБЕЖА XIX – XX ВЕКОВ**

А.Ш. Бик-Булатов

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, 420008, Россия

Аннотация

В статье рассматриваются основные методы, применявшиеся В.Г. Короленко в ходе проведения журналистских расследований, даются примеры использования и интерпретации им статистических и иных документальных данных, а также другие характерные для этого писателя приёмы и способы ведения расследований. Кроме этого, приводится обзор мнений современных исследователей литературы и журналистики о В.Г. Короленко как журналисте-расследователе. Расследовательская деятельность В.Г. Короленко анализируется в контексте общих процессов, характеризующих развитие отечественной журналистики второй половины XIX – начала XX в., а также приводятся малоизвестные примеры из журналистской расследовательской работы известного публициста.

Ключевые слова: В.Г. Короленко, журналистика XIX века, начало XX века, расследование, публицистика, документально-художественная проза

Несмотря на то что упоминание Владимира Галактионовича Короленко среди пионеров журналистского расследования в России делается уже общим местом в научных работах, монографиях и учебных пособиях по истории журналистики, подробного разбора его расследовательских методов, приёмов и способов добывания информации и работы с нею в рамках подготовки таких материалов до сих пор встречается довольно мало. Из недавних обращений к этой теме со стороны современных исследователей можно упомянуть учебное пособие «Журналистское расследование: история метода и современная практика», подготовленное специалистами АЖУРа (агентство журналистских расследований). Один из подпараграфов этого учебника посвящён расследовательской работе В.Г. Короленко.

Собственно о методах В.Г. Короленко говорится здесь не так уж и много, в основном описывается сюжет разбираемого дела (даётся несколько примеров из практики этого писателя-публициста) и его окончательный результат. Но всё же узнать кое-что о методологии расследования В.Г. Короленко из этого небольшого очерка мы можем.

«Своё расследование (по делу пароходного общества “Дружина”. – А.Б.) Короленко начал с внимательного анализа годовых отчётов и балансов общества. Настораживало уже то, что отчёты с 1875 по 1885 год получить оказалось

сравнительно легко, но все последующие тщательно скрывались, и достать их оказалось невозможно, несмотря на энергичные поиски. Публицист сумел доказать, что препятствия расследованию чинились для того, чтобы скрыть сеть злоупотреблений вроде скупки правлением общественных акций» [1, с. 76].

Ещё пример: «Вопреки уставу, в Александровском банке была уничтожена гласность: его отношения с местной прессой характеризовались как систематические гонения. Вопреки уставу, здесь допускались незаконные льготы для заёмщиков, результатом которых стали громадные недоимки, а для того, чтобы покрыть растраты М.П. Андреева, банк прибегнул даже к особому рода кредитам» [1, с. 77].

Уже по этим двум приведённым в учебнике случаям видно, что очень важную часть журналистских расследований В.Г. Короленко составляет именно работа с документами (в данных примерах – это анализ годовых отчётов общества и изучение устава банка). Если, скажем, для В.А. Гиляровского, репортёра, главнейшее значение в расследовании будет иметь наблюдение или показание очевидцев («дядя Гиляй» славился мастерским умением добывать нужные показания у разных лиц), то для В.Г. Короленко преимущественное значение будут иметь задокументированные данные.

На недавнем (26 января 2017 г.) круглом столе журналистов-расследователей, проходившем в Сахаровском центре, специальный корреспондент «Медузы» И. Голунов заявил: «Могу сказать за себя, что я не люблю людей, я стараюсь минимизировать какое-то общение с людьми в рамках расследования. Потому что у людей есть свои интересы. Мне один человек говорит одно, а другой говорит совершенно противоположное, и мне нужно совершить выбор, а кому я могу доверять? Иногда бывают люди, которым просто хочется какой-то славы, которые готовы подтвердить нам всё что угодно. <...> Поэтому я стараюсь всю собственно доказательную базу строить на документах (на официальных документах) и обращаться к героям только для того, чтобы проверить, правильно ли я интерпретирую ту информацию, которая есть в документах, или нет» [2, 38:05–39:19].

В.Г. Короленко называли «совестью русского народа», и никогда, думается, он не мог бы произнести фразу: «Я не люблю людей», – собственно, разговоры с людьми, свидетелями события им применялись всегда, начиная с первой юношеской публикации – «Драка у Апраксина двора», где он методом опроса очевидцев выяснял подоплёку конфликта между дворниками и местными жителями, переросшего в крупную драку; разговорами со свидетелями наполнены и его знаменитые «Павловские очерки» – цикл об устройстве кустарного производства в г. Павлово. В каждом из своих расследований писатель оказывается на месте события, принимает в нём деятельное участие, зачастую превышающее задачи журналиста-корреспондента: так, во время событий, описанных в очерках «В голодный год», он работает не просто как журналист, но и как волонтер, добровольный помощник, ведёт переговоры, помогает устраивать столовые; в известном Мултанском деле выступает в суде как общественный защитник.

Тем не менее именно работа с документами составляет основу журналистских расследований В.Г. Короленко, а некоторые современные комментаторы

даже приписывают ему в этой связи известную холодность и рассудочность, эмоциональную отстранённость.

Д.Л. Быков начинает своё рассуждение на эту тему с собственной интерпретации жанра, в котором работал писатель: «Жанр этот – литературное (не журналистское!) расследование, жанр, в котором потом блистательно работали десятки мэтров, прежде всего западных. Документальный роман, художественное исследование, синтез прозы и публицистики – тут у Короленко нет конкурентов, кроме, может быть, Трумена Капоте; и то у Капоте не было такого запаса душевных сил – он иногда всё-таки отворачивается или срывается; а Короленко смотрит прямо в бездну. Прочитав его “Бытовое явление”, Корней Чуковский – тоже, прямо скажем, не самый слабонервный человек в русской литературе, – всю ночь заснуть не может, вообще, не понимает, как можно с этим жить; и уж тут у Короленко безусловное преимущество перед всеми современниками, перед самим Толстым, чьё “Не могу молчать” (1908), при всей мощи авторского темперамента, проигрывает расследованию Короленко. Не в пафосе дело, а в гигантском фактическом материале, которым Короленко располагает, который он собирает со всей тщательностью, группирует по темам, проверяет достоверность – а материал такой, что при одном его чтении с ума можно сойти, взять хоть предсмертные записки приговорённых (среди которых преобладают как раз не политические, а уголовные, то есть убийцы, воры, грабители). Чего стоит один вопль в предсмертном письме такого вора к родителям – “Нет меня уже!” – такого не выдумает никакой Леонид Андреев, и никакому Леониду Андрееву не придёт в голову описать будни смертников, которые весь день распевают песни и режут в карты, а ближе к ночи, когда могут забрать на виселицу очередную жертву, начинают сходить с ума. Короленко всё это описал с тем ледяным, страшным спокойствием, которое даётся только истинной ненавистью, – и ненависть эта не только и не столько социального порядка: не в императоре дело, не в империи, а в самом русском отношении к человеческой жизни, в дикости, в поразительном отсутствии милосердия, об уважении не говоря» [3].

Рассуждения Д.Л. Быкова о жанре включаются сразу в два дискурсных поля, разворачиваемых современными исследователями. Первое – относительно самого журналистского расследования – жанр это (см. [4]) или метод, как утверждали авторы упомянутого учебного пособия. Подробнее тема разбирается в диссертации С.А. Мищенко «Журналистское расследование и система жанров современной периодической печати в России» [5]. Второе – дискуссии по поводу соотношения литературы и журналистики и их границ. Сам Д.Л. Быков прочитал целую лекцию на тему «журналистика и литература», где в свойственной ему яркой полемической, публицистической манере заявил: «Журналистика – это та же литература, только лучше» [6, 2:17-2:20]. Дискуссии об этих границах ведутся не только в формате научно-популярных и публицистических выступлений, но и в серьёзных научных работах; краткий их обзор представлен нами в монографии «Образы и типы православного духовенства в русской журналистике XIX – начала XX века» [7, с. 25–30], там же сформулирована и наша позиция по данному вопросу. В контексте настоящей темы позволим себе не согласиться с утверждением, что расследования В.Г. Короленко – «литературные

(не журналистские!)), просто сам характер журналистики в XIX в. был другой, отличный от привычного нам.

Роль документа, цифр в исследовании проблем общественной жизни начинает широко осознаваться русской журналистикой в последней трети XIX в.; большое значение здесь имела проводившаяся в 1870-х годах в России перепись населения, в которой как переписчики приняли участие и наши виднейшие писатели – Л.Н. Толстой, В.Г. Короленко, А.П. Чехов и др. Развивается целое новое направление журналистики – статистическая журналистика (во многих отношениях предтеча современной дата-журналистики). Активно стали публиковаться профессионалы-статистики. Так, знаменитый в будущем журналист-народник, соратник В.Г. Короленко по «Русскому богатству» А.В. Пешехонов начинал свой путь в большую журналистику именно со статистики, он свидетельствовал: «Среди тверских статистиков царило в ту пору увлечение сотрудничеством в газетах: почти каждый куда-нибудь корреспондировал. Захватило это увлечение и меня» [8, с. 144]. Среди профессиональных журналистов-статистиков XIX в. назовём В. Ю. Скалона, А.С. Гацисского, А.А. Кауфмана и др.

Пример работы А.С. Гацисского приводит в своём исследовании казанский историк журналистики Л.М. Пивоварова: «Большой цикл социологических очерков опубликовал... известный публицист и статистик А. Гацисский. Очерки “Из Нижегородского Поволжья” (“Камско-волжская газета”, 1872, № 52, 56, 58, 60, 63, 66, 86, 1873 № 19, 27, 40, 43 и пр.) содержали ценные сведения о земельной производительности Нижегородской губернии, о состоянии школьного дела. Горячий поборник развития статистики в России, он давал пример использования цифры в газетных материалах. Гацисский рассчитал, например, что на каждого жителя Нижегородской губернии падает всего расходов на начальное народное образование с небольшим 3 копейки, доказав неудовлетворительное состояние школьного дела в Поволжье» [9, с. 9].

В.Г. Короленко в своих расследованиях также активно пользуется среди прочего статистическими данными. Хрестоматийно название очерка Г.И. Успенского «Живые цифры», но если Глеб Иванович старается «оживить» сухие цифры статистики яркими образами, картинками из жизни, эти цифры иллюстрирующими, то в случае В.Г. Короленко и журналистов-статистиков мы наблюдаем подчас обратный пример: картинка, живое наблюдение дают нам одно представление, а статистика, данные вскрывают подноготную, обнажая истинное положение вещей.

Описывая ситуацию голода в Лукояновском уезде, В.Г. Короленко столкнулся с тем, что у голода 1891 г. нет, что называется, «драматической картинки», и в то же время публицистами-консерваторами преподносятся «картинки» отсутствия голода: вот, смотрите – базар в селе Починки: на базаре овёс продают, значит, голода нет! Вот – такой-то ездил в деревню, купил хлеб у мужиков. Вот – приводят в пример мужика, обогатившегося на ссудах для пострадавших от голода. А вот Афанасий Фет – поэт и помещик – пишет в «Московский ведомостях», что голода нет, а есть лодырничество и пьянство, рабочие сами не хотят работать, а крестьяне – ещё и поджигают усадьбы, и таких-то кормить? (потом эти сведения – и про крестьян, и про рабочих – были опровергнуты земским начальником Землянского). А вдобавок ещё, первое время цензура запрещает

к употреблению в печати слово «голод», вместо этого надо писать: «Недород хлеб».

В.Г. Короленко, таким образом, приходится бороться не только собственно с бедственным положением народа, не только с местным начальством – выбивать столовые, ссуды и проч., но и с медиа-бойкотом и контркомпанией консервативной печати и «лидеров мнений» из охранительного лагеря.

«Я знаю, чего ждёт читатель от корреспондента из голодных местностей, в особенности от корреспондента-беллетриста: сгущённой яркой картины, которая сразу заставила бы его, городского жителя, пережить и почувствовать весь ужас голода, растворила бы его сердце, заставила бы раскрыться его кошёлёк... <...> Я знаю, что, прочитывая мои листки, читатель будет, пожалуй, не раз спрашивать с таким же удивлением: а где же голод? голод, который должен потрясти, ошеломить, вывернуть человека наизнанку? «Голод, это – когда матери пожирают своих детей», – писал ещё недавно один господин. При Борисе Годунове матери, действительно, ели детей; на базарах, по свидетельству историков, продавали порой человеческое мясо; три женщины в Москве заманили мужика с дровами во двор, убили его, разрубили на части и посолили... Вот голод!.. <...> Поменьше свирепости, господа!.. Нужно, наконец, научиться признавать и видеть народное горе и бедствие там, где ни одна мать не съела ещё своего ребенка... Я не имел несчастья присутствовать при агонии голодной смерти и не намерен нарочно разыскивать эти картины и терзать ими нервы читателя. А голод, в его настоящем значении, я всё-таки видел и хочу рассказать здесь, что именно я видел, как люди голодали, как людям помогали или отказывали в помощи, какие при этом возможны ошибки и отчего они происходили...» (В.Г.Г., с. 101).

Итак, аудитории нужна экстраординарная картина, рисующая голод, но её нет, а значит, нет и проблемы; тут-то и приходит на помощь публицисту-расследователю статистика и свод данных, интерпретация которых помогает ему дорисовать подлинную картину голода:

«Господа, “знающие близко народную жизнь”, сделали открытие: в уезде есть овёс! Однако если бы они предварительно ознакомились в самой лишь необходимой мере с тем, что для них знать было обязательно, то они увидели бы, что другим это давно было известно. <...> ...Статистика ясно говорит господам, “знающим практически народную жизнь”: *у вас есть овёс и нет ржи*, поэтому население станет продавать овёс и спрашивать рожь. И действительно, овёс выезжает на базары и становится рядами телег, а место ржи занимают мешки с лебедой... Но господа практики чему-то удивляются и почему-то торжествуют... Теперь статистика продолжает: *но вашего овса не хватит на покупку необходимого количества ржи*. Расчёт очень простой: у вас 168 тысяч человек в уезде. Считая весьма умеренно по пуду ржи на человека, нам нужно 168 тысяч пудов в месяц, а до 1 марта (когда происходит этот разговор), – нужно было бы 1 200 000 пудов. Вы выдали до этого времени *всего 69 тысяч*. Итак, свыше миллиона пудов ржи население должно выменять на свой овёс. Для этого (считая два пуда овса за пуд ржи) необходимо более двух миллионов пудов овса. А у вас его только 423 тысячи! Это-то мы и *называем* нуждой. Результат очевиден. К весне, когда тайные и явные, скрытые и открытые запасы хлеба

уже исчезли, – овёс с лихорадочной поспешностью вывозится на базары. Статистика видит в этом исполнение своих предсказаний и рекомендует увеличение ссуд, чтобы помочь бедному овсу, изнемогающему от обилия предложения и теряющему цену, в то время как гордая рожь становится всё недоступнее и дороже... А господа практики в базарном изобилии овса усматривают признак довольства и... сокращают ссуды!» (В.Г.Г., с. 170–171).

В.Г. Короленко замечает среди местных профессионалов, борющихся с последствиями трагедии, приметы такого феномена, который в будущем социологи опишут под названием «усталость сострадать»¹, когда ужасающие картинки перестают уже действовать на воображение привыкших к ним зрителей. Писатель предлагает читателям-зрителям как раз внимательнее отнестись к данным статистики, чтобы адекватно представить себе картину народного бедствия.

«Был в Лукояновском уезде старый земский врач, Эрбштейн, целиком примкнувший к “предводителю”. Мне пришлось выслушать его речь в собрании, где он “опровергал” мнение о тяжёлом положении уезда. “Вы думаете, – страстно говорил он, обращаясь к отсутствовавшим в земском собрании противникам, – что вы открыли нам что-нибудь новое! Да ведь у нас это давно”. И он привёл ряд цифр следующего содержания. Отзывается, что в Лукояновском уезде тиф свил себе прочное гнездо ещё с 1885 года, а с 1886 года идёт непрерывное возрастание эпидемии (данные таблицы опускаем при цитировании. – А. Б.). Эти цифры заболеваний от одного тифа и притом цифры официальные!.. Признаюсь, когда я выслушал эту удивительную таблицу, то сначала не верил своему слуху. “Да что же, собственно, доказывает г. Эрбштейн?” – спросил я у ближайшего своего соседа из публики. “Он говорит, кажется, что всё благополучно и что санитарные отряды присланы напрасно...”

Сначала в устах земского врача это показалось мне превосходящим всякое понимание, но только сначала. Впоследствии я имел случай познакомиться и с самим врачом Эрбштейном. Мне показалось, что это человек, быть может, и не дурной, но... врач несомненно “лукояновский”, а этим сказано много. Для него «всё это» перестало быть новостью. “Не новость” – в этом всё разрешение загадки. Вы, свежий человек, натываетесь на деревню с десятками тифозных больных, видите, как больная мать склоняется над колыбелью больного ребёнка, чтобы покормить его, теряет сознание и лежит над ним, а помочь некому, потому что муж на полу бормочет в бессвязном бреде. И вы приходите в ужас. А “старый служака” привык. Он уже пережил это, он ужасался двадцать лет назад, переболел, перекипел и успокоился. Да разве это новость?» (В.Г.Г., с. 138–139).

Среди прочего обнаруживает В.Г. Короленко, что многие, столь необходимые данные на местах сильно сфальсифицированы, и на ссуды помощи голодающим претендуют в деревнях по спискам не настоящие бедняки и нуждающиеся, а приближённые к старосте и деревенским богатеям. Уровень развития статистики в XIX в. ещё очень далёк от современного, но журналисты уже открыли силу и возможности цифр и данных для проводимых исследований, и всё

¹ «Усталость сострадать» (англ. “compassion fatigue”) – теория, согласно которой интенсивное освещение трагических ситуаций средствами массовой коммуникации может привести к эмоциональному выгоранию аудитории по отношению к жертвам социальных проблем.

активнее начинают ими пользоваться, проявляя порой чудеса изворотливости для получения недостающих данных из тех, что имеются в их распоряжении.

Так, например, поборник женского образования В.И. Герье, в своём большом очерке (опубликованном в «Вестнике Европы» в 1877 г.) сетующий на недостаточность, по сравнению с европейскими, сведений, изданных московским статистическим комитетом (данные 1874 г.), тем не менее умудряется получить косвенные данные о количестве женщин, вынужденных жить своим трудом, анализируя информацию о количестве вдов, незамужних и замужних женщин и сравнивая проценты с аналогичными по Берлину [10, с. 664]. Критикой неточности собираемых сведений наполнены многие сочинения публицистов того времени, однако это подталкивало журналистов к оттачиванию своих исследовательских навыков, умению оперировать теми данными, которые оказывались у них в наличии.

В этом смысле В.Г. Короленко, работавший с самыми разными документами (уставы, годовые отчёты, письма приговорённых, данные рынка и статистика – только то, что мы перечислили в рамках настоящей статьи), конечно, служил примером и ориентиром для других журналистов-расследователей.

Один из блестящих примеров расследования, проведённого В.Г. Короленко в ходе известного дела Бейлиса, приводит в своих воспоминаниях О.О. Грузенберг: «Вдруг Владимир Галактионович пропал дня на три. Потом объявился. В чём дело? – Занят был расследованием: почему Бейлиса судит такой, на редкость для Киева, серый состав присяжных. Изучил списки присяжных заседателей по другим отделениям суда, ухитрился исследовать через верных людей списки за последние два года – и пришёл к выводу: состав присяжных подобран искусственно. Через несколько дней появилась в газете обличительная статья Короленко» [11].

В расследованиях В.Г. Короленко используются методы, остающиеся востребованными и в современных СМИ (медиа-аналитика, дата-журналистика), в условиях XIX – начала XX в. он показал блестящий уровень работы с документами и различными данными. Кроме того писатель, конечно, был сыном своего времени. Журналистика XIX в. – публицистическая, с заострённым чувством и жаждой справедливости, сопереживанием человеку: В.Г. Короленко отличает жертвенность, желание соучастия, выход за границы сугубо профессиональных журналистских задач по подготовке исследовательского медиатекста, ему присуще стремление восстановить справедливость и живейшее участие в этом восстановлении (не только статьями, но и своими поступками). Отдельно нужно сказать о литературном оформлении статей В.Г. Короленко, в этой части снова сошлёмся (на этот раз вполне солидаризуясь) на Д.Л. Быкова: «Пишет Короленко выдуманную вещь – хоть “Слепому музыканта”, – и выходит у него сентиментальная проза уровня “Русского богатства”, которое он пять лет редактировал и потом активно в него писал; но берётся он за реальность – и взгляд его выцепляет самые точные, самые жуткие, наотмашь бьющие подробности, и в голосе откуда ни возьмись берётся металл, и диалоги обретают силу и точность выстрела!» [3].

Источники

В.Г.Г. – *Короленко В.Г.* В голодный год // Короленко В.Г. Собр. соч.: в 6 т. – М.: Правда, 1971. – Т. 5. – С. 100–342.

Литература

1. Журналистское расследование: история метода и современная практика / Под ред. А.Д. Константинова. – СПб.: Нева; М.: Олма-пресс, 2003. – 480 с.
2. Как делаются журналистские расследования: Дискуссия // Дискуссионная программа Сахаровского центра. – 2017. – Вып. от 26 янв. – URL: https://www.youtube.com/watch?time_continue=1&v=Cos7Fu-hyqI, свободный..
3. *Быков Д.Л.* Портретная галерея Дмитрия Быкова: Короленко // Дилетант. – 2012. – № 4. – URL: <https://ru-bykov.livejournal.com/1379849.html>, свободный.
4. *Тертычный А.А.* Расследовательская журналистика. – М.: Аспект-пресс, 2002. – 384 с.
5. *Мищенко С.А.* Журналистское расследование и система жанров современной периодической печати в России: Дис. ... канд. филол. наук. – Краснодар, 2005. – 194 с.
6. *Быков Д.Л.* Журналистика и литература: лекция от 24 авг. 2015 г. Москва, парк им. А.М. Горького. – URL: <https://ru-bykov.livejournal.com/2184961.html>, свободный.
7. *Бик-Булатов А.Ш.* Образы и типы православного духовенства в русской журналистике XIX – начала XX века. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2018. – 304 с.
8. *Пешехонов А.В.* Автобиография // Русские ведомости. 1863–1913: Сб. ст. – М.: Тип. «Рус. ведомостей», 1913. – Отд. 2. – С. 142–146.
9. *Пивоварова Л.М.* С жизнью рядом // Из истории казанской прессы. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1977. – С. 3–12.
10. *Герье В.И.* Теория и практика женского образования // Вестн. Европы. – 1877. – Т. 2, кн. 4. – С. 645–700.
11. *Грузенберг О.О.* Короленко – защитник (из воспоминаний) // Сегодня (Рига). – 1925. – № 289. – С. 6.

Поступила в редакцию
16.04.18

Бик-Булатов Айрат Шамилевич, кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики
Казанский (Приволжский) федеральный университет
ул. Кремлёвская, д. 18, г. Казань, 420008, Россия
E-mail: aiaibikbik@mail.ru

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI

(Proceedings of Kazan University. Humanities Series)

2018, vol. 160, no. 4, pp. 850–859

**V.G. Korolenko's Investigative Methods
in the Context of General Development of Russian Journalism
at the Turn of the 19th – 20th Centuries**

*A.Sh. Bik-Bulatov**Kazan Federal University, Kazan, 420008 Russia*E-mail: *aiabikbik@mail.ru*

Received April 16, 2018

Abstract

The paper examines the main methods used by V.G. Korolenko in journalistic investigations, gives examples of the use and interpretation of statistical and other documentary data, as well as other techniques and methods of investigation characteristic for the writer. The correlation between the methods of interviewing eyewitnesses and analyzing various documents in investigations by V.G. Korolenko, the reasons for choosing one method or another in the context of various investigations have been revealed. The investigative activity of V.G. Korolenko has been considered in the context of the general processes characterizing the development of Russian journalism in the second half of the 19th – early 20th century. Little-known examples from the journalistic investigative work of the famous publicist have been provided.

In addition, an overview of the opinions of modern literary and journalistic researchers about V.G. Korolenko as an investigative journalist has been given. The relationship between literary and journalistic investigations has been described. Special attention has been paid to the available scientific literature on this issue.

V.G. Korolenko's achievements can be reclaimed and studied as a forerunner of modern data journalism, investigative journalism, and journalism of social problems, which are the areas of activity of journalists at in the early 21st century.

Keywords: V.G. Korolenko, journalism of 19th century, early 20th century, investigation, journalism, documentary

References

1. *Zhurnalistskoe rassledovanie: istoriya metoda i sovremennaya praktika* [Journalistic Investigation: History of the Method and Current Practice]. Konstantinov A.D. (Ed.). St. Petersburg, Neva; Moscow, Olma-press, 2003. 480 p. (In Russian)
2. How journalistic investigations are made: Discussion. *Discussion Program of the Sakharov Center*, 2017, Jan. 26. Available at: https://www.youtube.com/watch?time_continue=1&v=Cos7Fu-hyqI. (In Russian)
3. Bykov D.L. Dmitrii Bykov's Portrait Gallery: Korolenko. *Diletant*, 2012, no. 4. Available at: <https://ru-bykov.livejournal.com/1379849.html>. (In Russian)
4. Tertychnyi A.A. *Rassledovatel'skaya zhurnalistika* [Investigative Journalism]. Moscow, Aspekt-press, 2002. 384 p. (In Russian)
5. Mishchenko S.A. Journalistic investigation and the system of genres of modern periodicals in Russia. *Cand. Philol. Sci. Diss.* Krasnodar, 2005. 194 p. (In Russian)
6. Bykov D.L. Journalism and literature: Lecture from August 24, 2015. Moscow, Gorky Park. Available at: <https://ru-bykov.livejournal.com/2184961.html>. (In Russian)
7. Bik-Bulatov A.Sh. *Obrazy i tipy pravoslavnogo dukhovenstva v russkoi zhurnalistike XIX – nachala XX veka* [Images and Types of the Orthodox Clergy in Russian Journalism during the 19th – Early 20th Century]. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin, 2018. 304 p. (In Russian)

8. Peshekhonov A.V. Autobiography. *Russkie Vedomosti. 1863–1913*, 1913, pt. 2, pp. 142–146. (In Russian)
9. Pivivarova L.M. Near life. In: *Iz istorii kazanskoi pressy* [From the History of Periodicals in Kazan]. Kazan, Izd. Kazan. Univ., 1977, pp. 3–12. (In Russian)
10. Ger'e V.I. Theory and practice of female education. *Vestnik Evropy*, 1877, vol. 2, no. 4, pp. 645–700. (In Russian)
11. Gruzenberg O.O. Korolenko as a defender (from memoirs). *Segodnya* (Riga), 1925, no. 289, p. 6. (In Russian)

Для цитирования: Бик-Булатов А.Ш. Расследовательские методы В.Г. Короленко в контексте общего развития русской журналистики рубежа XIX – XX веков // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2018. – Т. 160, кн. 4. – С. 850–859.

For citation: Bik-Bulatov A.Sh. V.G. Korolenko's investigative methods in the context of general development of Russian journalism at the turn of the 19th – 20th centuries. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2018, vol. 160, no. 4, pp. 850–859. (In Russian)